

ИМПЕРИЯ ПОЗДНИХ ГЕНЕРАЛОВ

Богдан Сучавэ

Перевод
Андрея Александрю

ТЕХТ

archives
équivalences
2002

ORIGINAL TEXT: **Imperiul generalilor târzii** (Romanian)

© 1992–2000 BOGDAN SUCEAVĂ (Bucharest, Romania)[TEXT]

© 2000 NEMIRA (Bucharest, Romania 2000)[e-TEXT]

PRESENT EDITION: ADRIAN REZUȘ (ed.)

© 1992–2002 BOGDAN SUCEAVĂ (Bucharest, Romania)[TEXT]

© 2002 ANDREI ALEKSANDRU (Vinica, Ukraine)[TRANSLATION]

© 2002 ANDREI MĂNESCU (Bucharest, Romania)[COVER]

© 2002 DINU LAZĂR (Bucharest, Romania)[PHOTO]

© 2001 ADINA DABIJA (Sherbrooke QC, Canada)[LOGO *respiro*]

© 2002 ÉQUIVALENCES – RESPIRO [L^AT_EX₂ε / P_DF_TE_X]

TYPESET BY L^AT_EX₂ε [BABEL] IN *literaturnaya* © 1999 PARAGRAPH INTERNATIONAL

PRINTED IN THE NETHERLANDS – JULY 2, 2002

equivalences

Богдан Сучавэ

Империя поздних генералов 1992

revista respiro

Титульная страница

Страница 4 из 34

Назад

Полностью

Закреть

Выход

revista respiro

Титульная страница

Страница 5 из 34

Назад

Полностью

Закреть

Выход

revista respiro

Титульная страница

Страница 6 из 34

Назад

Полностью

Закреть

Выход

Каждое утро он просыпался как-то внезапно, приподнимаясь на локтях, ещё с неясной головой, и лишь через несколько мгновений открывал глаза мучительными усилиями. Некоторое время оставался неподвижным, не видя ничего. Затем шёл умываться. Это был старый обычай, сохранившийся со времён пятидесятилетней давности, со времён первой военной школы, когда, просыпаясь, ещё не знал, что именно его разбудило, была ли это шутка или тревога экстренной ситуации.

В это утро, в среду, всё было как всегда. Пока вода приятно согревала отяжелевшие от сна веки, он вспоминал, как долго он ждал этот день. *«Мастерский удар»*, — думал он, — *«Удар, который лишь немногие могут нанести»...*

Потом он прошёл в кухню, где оставил приготовленную с вечера трубку, которую зажжёт поспешными и неуверенными движениями. Окутался облаком ароматного дыма, прогоняющего чрезвычайно быстро, путём невероятной алхимии сна и пробуждения, малейшие следы тяжести в голове. Тотчас вообразил, как Елена услышала, что он входил в кухню, и сейчас поднимается с кровати, ищет тапочки и направляется к двери. Они не спали вместе больше двадцати лет, потому что ночью тело её делалось необычайно холодным, острые кости касались его с ледящей отчуждённостью, вызывая плохие сны и чёрные мысли...

Елена открыла дверь и окинула его взглядом, пробуя мгновенно угадать, будет ли это хороший день, или же роковой, когда муж её будет до самого вечера в плохом настроении по причине неподвижных своих сновидений.

— Доброе утро, — сказала она. Затем, не ожидая ответа, спросила: — Как спалось?

Он произнёс поспешно и бессвязно:

— Так-то и так-то. Я заснул поздно. А сегодня меня ждёт очень важный день.

Она совершенно не была в курсе. Обычно знала всё, но на этот раз он готовился долго и скрупулёзно, не допуская никаких разговоров с ней. Елена молча подошла к плите, чтобы приготовить кофе. Недавно ей исполнилось шестьдесят, зрение ухудшилось, и постоянно клала слишком мало сахара в кофе, который непременно

был не слишком крепким. Его сердце, думала она каждое утро, его сердце. С ним она познакомилась, будучи двадцатилетней девушкой, когда он возвратился с учёбы и служил офицером армии в большой воинской части Ардяла. Он был старше её на семь лет, с его мнением всегда считались в семье. Ради него она отказалась от работы навсегда, посвятив ему всю жизнь. Всё, что делала она сейчас, в старости, было продолжением её преданности прошлых лет, превратившейся давно в инстинкт.

После того, как они выпили кофе и закончили жевать первые ломтики хлеба с маслом, Елена ждала, что он начнёт рассказывать. С декабря тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, когда его восстановили на военной службе в прежнем звании генерал-майора, он возобновил обычай, и держал её в курсе всех политических и военных событий страны, не тех, о которых можно прочитать в газетах, а *других*, настоящих, касающихся истинного лица власти.

— Раньше было проще, когда ты служил в армии,— говорила она иногда.

Её муж, генерал, переживал сейчас вторую молодость, и она была первой, кто это почувствовал. Она была влюблена со всей преданностью в жесты, которыми он зажигал трубку, протирал очки, в слова, которые тремя звуками объясняли всё, во взвешенные решения, основанные на тактике вечного ожидания. Минуты завтрака были для Елены настолько насыщены, что заполняли впечатлениями весь её день. Затем она его видела лишь поздно вечером. Он был её обществом, кругом знакомых, друзей, он был для неё страна, он был мир. Слушая его и давая иногда какой-нибудь совет, она чувствовала в себе огромную силу, которую никто не смог бы понять. И поэтому она была счастлива. Иногда какое-нибудь из её робких предчувствий оправдывалось, и тогда она говорила: «Видишь? Я же чувствовала!» Или: «Вот увидим на сентябрьских выборах! Им придётся с опущенным хвостом уйти из Министерства».

Когда он попросил лечебный чай, в это утро, в среду, она его спросила:

— У вас сегодня пресс-конференция?

— Ты начинаешь забывать, — проговорил он, качая головой, — В Министер-

стве внутренних дел в среду не бывает пресс-конференций, а только по пятницам. Нам так проще.

Затем она попробовала:

— Ты хотел что-то сказать?

Он хитро улыбнулся. Знал очень хорошо, что сам дал ей повод любопытствовать, но пока не считал, что пришло время рассказывать. И поэтому просто бросил:

— А ты не суй нос всюду! Всё хочешь знать!

— Ты мне хотел что-то сказать, — оправдалась она.

— Не хотел я тебе ничего говорить. Кроме того, что сегодня важный день.

После завтрака он пошёл одеваться. Выбрал для начала рубашку, которую обычно не носил, за исключением тех случаев, когда имелся гибкий воротник.

— Ты одеваешься по-военному? — удивилась она. В последние дни он предпочитал серый гражданский костюм.

Он ничего не ответил. Принял решение сам, и не имело смысла объясняться с ней.

— Раз не пресс-конференция исключительной важности, тогда, наверное, заседание верховной комиссии...

Тогда он обернулся к Елене и посмотрел на неё спокойно и холодно своими серыми глазами, о которых все, кто видели их с близкого расстояния, говорили, что они обладают некоей силой, но ни в коем случае не имеют цвета. Это был взгляд, который она хорошо знала, и, сколько раз она его достаивалась, всегда он ей вменял страх.

— Пожалуйста, — сказал он, — Пожалуйста, сходи в прихожую и приготовь мне туфли.

Она прошла мимо зеркала и глянула на себя мимоходом. Иногда она заигрывала, когда появлялось какое-нибудь новое знакомство (случай исключительный, редко происходящий, потому что в этом лихорадочном Бухаресте все, кажется, знакомы с теми, кто наделён властью) и спрашивала:

— Сколько лет мне дадите?

Собеседник, будучи предупреждён или нет, прикидывал в уме пенсионный возраст работников румынской полиции:

— Пятьдесят пять? Или, может быть, пятьдесят шесть?

Он молчал и улыбался, прикрыв глаза. Имея за плечами шестьдесят семь, получив высшее военное образование в Москве и во Фрунзенской академии, сердце его начинало беспорядочно биться из-за самой маленькой иронии, допущенной в прессе, относительно возраста, образования или отвлечённой географии Востока. Каждое утро, так же, как и в это, в среду, смотрел на себя в зеркало прищуренным глазом, холодным и изучающим, взглядом которого он бы удостоил кого-либо в другое время. Поглядел мимоходом на Елену, которая, тяжело наклонившись на стуле в прихожей, начищала ему туфли, и, в последний раз (согласно утреннему обычаю) прошёл на кухню. На полочке были расположены, как какой-то набор жизни и смерти, тубики с таблетками от сердца. Перед ними, на привилегированной позиции, стояли капли, которые он отсчитал неспешно, одну за другой, в кружку с остывающим чаем. Затем принял две бодрящие таблетки. Разложил на столе остальные шесть таблеток, которые привык принимать с чаем, ставшим горьким от капель и витаминов. Каждое утро ритмично следовали шесть коротких глотков через совершенно равные промежутки времени. Ни о чём не думая, не спеша, не чувствуя горечи, не чувствуя остывшего чая.

В это утро, в среду, выйдя из кухни, он обул поспешно теперь уже размягчённые туфли, и, не слыша пожеланий Елены, вышел, не ответив ей ничего и на этот раз.

* * *

Старшина Дума ожидал в это утро, в среду, ровно пять минут напротив дома. Он работал с генералом уже больше года и знал его привычки очень хорошо.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — сказал он.

Но тот ничего не ответил. Сел в машину и приготовил размеренными жестами трубку с ароматным табаком. Когда машина тронулась, генерал проговорил:

— Как дела, Дума?

— Хорошо, товарищ генерал. — Затем добавил через мгновение: — Спасибо за вопрос.

— Что там в городе?

— Всё спокойно.

— Сегодня ночью в Министерстве случилось что-то?

Так как старшина Дума брал машину ранним утром в гаражах Министерства внутренних дел, то был среди тех, кто первыми узнают, не произошли ли за ночь коренные изменения или исключительные события. Конечно, редко когда что случилось, но именно тогда изменения и казались невероятными. Более того, кажется, каждый хотел бы, чтобы в одно прекрасное утро, как по взмаху волшебной палочки, всё стало иначе.

— Товарищ генерал, докладываю: ни о чём новом не слышал.

Ровно шесть месяцев назад шофёры из гаража оказались первыми, кто узнал о предполагаемом решении президента отправить в отставку, внезапно, восьмерых генералов в возрасте свыше шестидесяти лет, которые были восстановлены в должности в горячие дни декабря 1989 года, и были выдвинуты в сопровождении такой славы, как будто лишь они одни выиграли сражение за воссоединение. Чтобы избежать тогда ухода в отставку, который мог произойти в любой момент того беспокойного времени, генерал решил провернуть одну закулисную игру. В этом он был непревзойдён. Было несложно получить успешно два повышения в звании, как это сделали те, кто сидел на пенсии, а возраст при этом становился незримым для тех, кто решает.

— Сегодня, Дума, работаем допоздна. После обеда нужно будет съездить в некоторые места. Это займёт время аж до позднего вечера.

— Как прикажете, товарищ генерал.

Машина проезжала возле Дома Народов и направлялась, параллельно Дым-бовице, к началу Проспекта Победы, где в первые утренние часы проходили самые важные персоны эпохи. Генерал сказал:

— Для начала поедем в Архив.

Старшина Дума направил машину влево по набережной, к зданию Архива. Это здание расположено между Министерством внутренних дел и поликлиникой того же министерства в той части города, где в определённые часы дня улицы становились серо-синими от униформ. По одной из улочек, кажущейся незначительной, старшина Дума вёл машину. Служебная машина — обычная «Дачия» белого цвета, чтобы не привлекать ничьё внимание (особенно в те времена, когда полицейские машины горели как спички во время беспорядков), не была ни чисто вымыта, ни слишком грязна, будучи вызывающе обыкновенной, так что для знающего наблюдателя не могла представлять секрета, какому учреждению принадлежит. От генерала до старшины Дума, в Министерстве, кажется, никто об этом не знал.

Доехав до отдела исторических документов, Дума резко, нервно остановил машину, чтобы не терять времени. Генерал выпрыгивает из машины и, не ожидая пока Дума подаст чемодан-дипломат, дёргает за ручку гигантской металлической двери. Массивная старая дверь, поставленная сто лет назад, даже не покачнулась.

Генерал посмотрел на часы. Было без десяти восемь. Громко, по-ямщицки, выругавшись, добавил:

— Этим архивариусам полезно давать пару боевых тревог в день. У них даже дежурный старшина не выполняет своих обязанностей!

Он не мог терпеть двух вещей: недисциплинированности и непунктуальности. Считал, что в этих двух пороках заключается объяснение всего, от развала экономики до плохо выметенных улиц. Заметив, что генерал нервничает, старшина Дума попробовал объяснить:

— Товарищ генерал, Архив открывается всегда ровно в восемь.

Тот ещё раз глянул на часы:

— И за несколько минут до начала работы здесь нет никого, даже дежурного?

Когда генерал уже сильно занервничал и начал грохотать дверью, ему отвечал лишь ржавый металл, который гудел как гигантская труба у входа в ад. Возле него спокойно стоял старшина Дума, одетый в гражданский костюм, держа в правой

руке чемодан-дипломат генерала.

Где-то в глубине двора не спеша появился старший сержант, косая сажень в плечах, с красным служебным пакетом в руке. Он носил очки с такими толстыми линзами, что, наверное, с такого расстояния и не видел, кто этот маленький нервный толстяк, делающий столько шума. Старшина Дума взглянул на старшего сержанта, который, хотя и был молод, должен был провести всю жизнь в этом дворе из-за дефекта зрения, непременно ухудшившегося после зачисления в военное училище. И он, старшина Дума, работал когда-то в пятом управлении, на службе с самыми лучшими шофёрами страны до тех пор, пока на одной из медицинских комиссий, которые периодически проводились в этом президентском отделе, не нашли что-то в левом глазу. Так он оказался в Министерстве внутренних дел.

Приблизившись, старший сержант, плохо видящий с расстояния, оказался поражён:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

Тот ему ответил, прорывав угрозы, смешанные с руганью. В результате такого случая старший сержант, должно быть, будет страдать бессонницей несколько недель, будучи убеждён, что у него остановились часы и его отправят в отставку за нарушение дисциплины, так что придётся искать работу.

Раздражённый, генерал вьюгой влетел в здание военного учреждения, которое все называли недвусмысленно: Архив. По иерархической линии он был непосредственным начальником этого учреждения, с тех пор, как была основана комиссия по культуре при Министерстве, главой которой он был, и которая занималась, среди прочего, историческим наследием. За три года неуверенности и постоянной нестабильности электората было проще управлять спорным Министерством внутренних дел посредством комиссий, которые образовывались и расформировывались с завидной периодичностью метронома. Каждая комиссия анализировала деятельность компромиссных лиц во время коммунистического режима и выдвигала список предложений министру. Практически, во время существования комиссии на высшем уровне, все командующие, зависящие от неё,

вслепую ей подчинялись. Например, генерал уже сейчас знал, что начиная со следующей недели комиссия по культуре предположительно будет расформирована, для того, чтобы уступить место комиссии по поддержанию порядка во время предвыборной кампании, и начальником будет назначен именно он. Он даже готовился имитировать удивление в тот момент, когда должен будет об этом узнать. Кроме того, он узнал, что всего будет три комиссии, занимающихся предвыборной кампанией, со смежными обязанностями, таким образом взаимно проверяющих друг друга.

Пройдя коридор, генерал выдернул чемодан-дипломат из руки старшины Дума, который совершенно не удивился ни одному из поступков генерала. Генерал прекрасно знал, где находится кабинет командующего, он знал это здание как собственные пять пальцев, со всеми лабиринтами вечно пыльного архива, в котором раньше терялся много раз. Его раздражало то, что в коридорах не видно было никого. Военная жизнь здесь не ощущалась.

В бюро командующего находилась лишь секретарша, колдующая над подносом с чашками. Увидев генерала, профессионально улыбнулась, и, прежде чем успела произнести что-либо, услышала вопрос:

— Майор Кривляну пришёл?

Ещё не пришёл. Генерал вошёл один в кабинет и повесил фуражку на крючок, как человек, чувствующий себя дома. Поспешным жестом отправив секретаршу, предложил ей заниматься своими делами. Оставшись один, облокотился на стол из лакированного дерева, который имеется во всех полицейских учреждениях страны, и бросил дипломат на папку для записей майора Кривляну. Вынул из папки какое-то дело из нескольких листков, вызывающе тонкое дело, затем подержал листки некоторое время над дипломатом. Должно быть, это не предназначалось для него. «*Мастерский удар*», — думал он, — «*никто другой и не предположил бы*»... В этот момент открылась дверь, и начальник отдела исторических документов вошёл в собственный кабинет с настолько искусственной улыбкой, что генерал не мог удержаться похвалить себя за выбор именно этого дня, среды.

— Честь имею, товарищ генерал.

— Садись, и давай поговорим немного, — пригласил генерал, как будто находившийся в собственном кабинете.

Глядя на генерала с противоположного конца стола, к которому майор Кривляну привык за время работы, и, видя серый холодный взгляд, сильно противоречаший театрально-мягкому голосу высшего по званию, майор почувствовал себя чужим, потерянным в этом далёком от людей помещении, которое когда-то ему принадлежало...

— Значит так, сынок... Тебя я знаю, по случайной игре обстоятельств, с тех пор, когда ты был в военном училище, а я был инспектором. Помнишь? Думаю, лет двадцать назад. Тогда ты был робким и худеньким молодым человеком... Я занимался противовоздушной обороной в военном ведомстве и инспектировал всё.

Запнувшись внезапно и положив трубку на стол, генерал стал её рассматривать, причём лишь её.

— Я бы всем сердцем хотел тебе помочь. Ты мне только дай повод это сделать. В скором времени здесь будет серьёзная проверка...

Майор Кривляну улыбался, напустив на себя искусственное веселье. Хотел что-то сказать, но генерал продолжил, оторвав взгляд от стола и агрессивно глянув в глаза собеседника:

— Хочу видеть сейчас, немедленно, семь документов, и у меня есть приказ министра о выполнении проверки. Как только я их увижу — составлю рапорт. Зависит от тебя, будет ли твоё имя присутствовать в нём, или не будет.

Генерал вынул из внутреннего кармана пиджака перечень. Начал читать, и, по мере чтения, майор Кривляну делался всё более неподвижным, каменя всё больше при каждом слове.

— Документальная опись коммуны Ливада с печатью Влада Цепеша, продажа имения Нижняя Думбрава в 1702 году, с подписью Брынковяну, завещание боярина... — генерал остановился на секунду, разбирая по слогам — ...Думитраке Фэгэдэу, тысяча семьсот сорок третьего года, опись коммуны Липова с подписью

Раду из Афумаць. И ещё три: со времён Михая Витязу, Караджи и Александра Иоана Куза. Ты знаешь. Всё это хочу видеть сейчас.

Майор Кривляну остался неподвижен и бледен. Несуразно высок и сгорблен в своём кресле. Он ничего не понимал. Но и не показывал это своим видом. Генерал внезапно рассмеялся, и смех этот должен был служить объяснением, смех, который невозможно было спутать ни с чьим другим.

— Чудесно. Документы все малоизвестные, маловажные на первый взгляд, с исторической точки зрения. Но каждый имеет нечто ценное: редкую печать или подпись, свидетельство эпидемии чумы в каком-то году, или ещё что-нибудь. Не так ли? И брат твой, который первым летит в Роттердам, а затем в Болонью...

Но майор Кривляну внезапно прервал генерала:

— Не пойму, что хотите сказать, товарищ генерал. Что касается документов — их поиск займёт время. Через несколько дней я вам их привезу в Министерство.

Генерал пожал плечами:

— Не могу вернуться в Министерство без них. Министр мне приказал вчера поздно вечером найти их прямо сейчас, в это утро, во время проверки. Он мне и дал список документов. Кстати, интересные предпочтения — подпись Дракулы... Какой-то западный коллекционер, не так ли? — и, сказав это, засмеялся.

Майор Кривляну снова сделал вид, что не слышит:

— Не знаю, насколько важны эти документы, и, признаюсь, я заколебался, потому что не знаком с ними. Никогда о них не слышал. Будем искать, ждите.

— Чёрт! Я вам для чего поставил компьютеры!? Чтобы вы могли найти любую бумажку в три минуты! Только вы заявили, что вам нужно, как я сразу же сделал всё необходимое, чтобы вы стали сверхархивом!

Генерал поднялся и прошагал молча вдоль помещения. Установилось грозное молчание. Генерал пробормотал:

— Роттердам или Болонья? Завтра прокричат все газеты...

Майор внезапно поднялся. Спросил:

— Вас угостить кофе? Сейчас скажу секретарше.

Генерал оглядел его с ног до головы. О чём думает сейчас майор? Что хочет? Что за день сегодня будет?

— Вот что, сынок... Тебя знаю с тех пор, когда ты был лейтенантом... Знаешь, какой у меня стаж? Как ты думаешь, как бы я реагировал, если бы узнал о том, что кто-то из-за границы «позаимствовал» семь документов из национального достоинства? Но знай... Мне не очень приятно бить по карьере кого-либо... Как видишь, даже не упоминаю уголовное дело! Министр мне приказал проверить. Я проверяю. И знаю тебя столько лет! Кстати, есть у тебя «Уголовный Кодекс» здесь? Открой и посмотри.

Генерал облокотился на стол, а майор Кривляну так и остался стоять, как перwokлассник.

— У тебя есть спички?

Майор протянул свой коробок спичек и следил за тем, как генерал зажигал трубку. С того момента, как понял, что можно вести переговоры с генералом, он несколько успокоился. Но чувство угрозы ещё не исчезло.

Взяв графин со вчерашней водой, наполнил стакан. Выпил быстро, большими глотками. Затем проговорил:

— Не могу понять, как вы узнали.

— Такие вещи у нас узнаются очень быстро. Вот, я узнал первым. Может быть, и не от министра. Может быть, от знакомого.

Майор Кривляну наморщился, испуганный любой перспективой изменения игры. Он не мог понять, откуда исходит опасность.

— Я вам могу помочь, товарищ генерал?

— Ты — нет. Ты — даже совсем не можешь. А вот брат твой — да.

Брат майора Кривляну был известным предпринимателем, который выгодно выкупил несколько магазинов на проспекте Победы, в Букур-Оборе и в Гражданском Центре, создав мощную торговую сеть и вращая Бухарестом двумя пальцами. Между прочим, никто никогда не знал, откуда у него появились деньги для такого роста, но поговаривали, что этот человек имел влияние на некоторых важных

лиц.

— Да, товарищ генерал, — сказал майор Кривляну, озарённый в мгновение, — мой брат.

Генерал улыбнулся из своего кресла:

— И для того, чтобы ты убедился, что я человек слова, прежде чем ты услышишь, что требуется от твоего брата, давай выясним с бумажками. Два раза звякну в твоём присутствии.

Взяв трубку городского телефона, уверенными движениями набрал номер редакции известнейшей ежедневной газеты. Попросил главного редактора, и, обращаясь к нему на «ты», сказал:

— Пожалуйста, направь в Архив какого-то репортёра, к начальнику, да, запиши, майор Кривляну. Да, знаю, это имя тебе известно. Он предоставит список документов, которые будут демонстрироваться общественности начиная со следующей недели, впервые за последние пятьдесят лет. Да, конечно... Статья должна появиться, как пожелаешь, сегодня или завтра... Но не позже.

Генерал, положив трубку, объяснил майору:

— Выставим что-нибудь, все увидят, и никому и в голову не придёт проверить. Газеты напишут, радио и телевидение скажут, какие документы будут выставлены. Гвоздём программы будут какие-нибудь документы, которые ты найдёшь даже сейчас, после моего ухода. Сам знаешь, лишь бы подписи совпадали — Брынковяну, Куза... Что ещё нужно, чтобы доказать, что они существуют? А тщательного контроля со специалистами, я приму меры, здесь не будет в ближайшие десять лет. Как-нибудь направим три-четыре проверочки, и всё.

Затем набрал второй телефонный номер и связался с Центральным Домом Армии. На противоположном конце провода оказался другой генерал, его друг с незапамятных времён.

— Так предоставишь нам ваш зал для проведения выставки? Да, конечно... Алло... Да, так как мы договаривались на прошлой неделе. Уже месяц готовлю выставку, я работал с ними. Да, и ваши газеты. Конечно же, и передача на телеви-

дении. Как хорошо подготовленное мероприятие, мы же умели делать раньше.

Закончив телефонный разговор, генерал холодно глянул на майора Иона Кривляну:

— Думаю, ты убедился, что я теперь могу подписать рапорт о существовании документов. А так как я в определённый момент их не вижу, то их никто не увидит. Это же ясно. Однако министр ждёт рапорта. И я ему принесу. Теперь слушай насчёт твоего брата: у него есть связи, которые он заполучил за последние два года, и которые делают его таким влиятельным, как нам обоим и нужно. Я хочу его видеть сегодня вечером, после того, как ты ему объяснишь, какая давняя дружба связывает нас с тобой...

Как только майор Кривляну остался наедине с собой, глубоко вздохнул и ослабил узел галстука, как будто человек, только что вырвавшийся из неожиданных объятий льва...

* * *

От здания архива до Министерства было всего несколько десятков шагов. Направо видна Дымбовица. Налево, сразу за шумом проспекта — парк Чишмиджиу. Старшина Дума ожидал в машине, читая газету. Открывая генералу дверцу, удовлетворённо отметил, что генерал возвратился успокоенным, примирённым с самим собой, каковым его не видели довольно давно. Может быть даже, что сегодня, несмотря на предупреждение о длинном рабочем дне, удастся освободиться раньше. Тронув машину, старшина, газанув, остановил её возле входа в Министерство. Лишь после этого взглянул на генерала.

Тот спал. Всё более частая и неожиданная дремота была единственным внешним признаком его старости, которую он ни за что не желал признавать. Достаточно было задремать лишь на секунду, как он проваливался в удивительно глубокий сон, отмеченный часто молниеносными сновидениями, что казались во внутренней своей действительности целыми эпопеями в том смысле, что могли изменить настроение на весь оставшийся день.

— Товарищ генерал, — проговорил старшина Дума.

Генерал проснулся мгновенно, как во время тревоги когда-то в прошлом. Не сказав ничего, вышел из машины и вошёл в Министерство, пройдя сквозь группу старших сержантов, которые, застыв, приветствовали его, затем прошёл сквозь другую группу — бесполезных часовых, нёсших вахту во входном коридоре со времён июньских событий.

Дойдя до лестницы, остановился и достал из кармана ещё один бумажный лист. Это был список заданий, намеченный для себя на этот день, среду. Сначала нужно было зайти в бюро, расположенное в партере, в той стороне здания, что ближе к Службе Безопасности, на дверях которого было написано «Особый отдел». Внутри этого отдела находился полковник Рошу, тоже старый пехотинец, переведённый в декабре восемьдесят девятого на полицейскую службу.

— Ты мне решил мои вопросы? — спросил генерал.

— Товарищ генерал, пока не могу. Вы же знаете...

— Не думал я, что заблокировать меня будешь именно ты... — с горечью проговорил генерал.

— Я не блокирую вас никоим образом, но ведь прямая линия с Котроченским Дворцом предоставляется только по письменному распоряжению.

— А я тебе говорю, что у меня устное указание президента организовать самую прямую связь, начиная со следующей недели, когда начинается предвыборная кампания.

Споря таким образом добрых несколько минут стоя, каждый пробовал объяснить собеседнику очевидные вещи, вращаясь таким образом в каком-то порочном круге, который нигде не рвался.

— Завтра привезу тебе письменное указание, — прерывая спор, заключил генерал. — Но я запомню, что ты мне сделал в этом месяце.

Генерал вышел в коридор и прошёл по длинному пятидесятиметровому красному ковру, ведущему к лестнице. Не дожидаясь лифта, пошёл пешком, потому что (сам доктор сказал), даже подъём на этот единственный этаж, совершаемый

ежедневно, улучшает работу сердца.

Он занимал типичное помещение начальника министерской комиссии, почти кабинет, такие же кабинеты были и у остальных двадцати генералов, находившихся на первом этаже здания по Дымбовицкой Набережной, будь они старики давно уже пенсионного возраста, или же потенциальные министры, президентские советники. После такой должности никому нельзя было бы предсказать будущее.

Генерал вошёл сперва в приёмную, где секретарша ему проговорила «Здравия желаю!», хотя это его раздражало до предела. Эти слова не должны были произносить уста женщины. По этой причине он не отвечал, а молча морщился, и взгляд его ещё больше утяжелял атмосферу помещения.

— Зайди, дам кое-что отстучать на машинке.

Приготовленный ещё с вечера, рапорт министру по поводу Архива содержал предсказание: всё в порядке, документы на своём месте.

Секретарша, взяв рапорт, спросила:

— В скольких экземплярах?

— В трёх. Их хочу видеть сейчас. И свяжись с приёмной министра, передай, что прошу о встрече.

Вешая фуражку и ставя чемодан-дипломат на свои места, получил и ответ от секретарши:

— Господин министр сейчас во Дворце Виктория. Сможет вас принять, как только вернётся, он вас известит из кабинета.

— Хорошо. Сейчас печатай материал на машинке и посылай к чёрту всех, кто звонит по телефону, кроме министра.

Опустившись в кресло, устроенное как можно удобнее, генерал из всех папок, стоящих на бюро и содержащих корреспонденцию, материалы следствий, дела, доставленные курьером в это утро в восемь часов, выбрал папку с прессой. Сначала каждое важное лицо в Министерстве получало собственную папку с прессой. Офицеры из бюро прессы начинали работать в четыре часа утра, когда получали первые газеты, читая и обрабатывая абсолютно всю периодику, выходящую на

территории Румынии. Те статьи, которые считались интересными, в том смысле, что касались учреждения, копировались в стольких экземплярах, сколько папок нужно было подготовить. Клевету, сенсационные известия копировали меньше, лишь для лица, замешанного в этом, и ещё для двух-трёх человек из Министерства, непосредственно заинтересованных в карьере, о которой шла речь. Читая папку с прессой, каждый рисковал узнать о сенсационном продвижении кого-нибудь своего соперника, о чём никто не осмеливался доложить. В прошлом году генерал-майор Думитрашку, которому уже тогда было семьдесят, восстановленный на службе в восемьдесят девятом, так как был специалистом по борьбе с терроризмом, перенёс прединфаркт, прочитав в папке с прессой, что не является отцом своего единственного ребёнка, слух, ставший общеизвестным в Бухаресте за последние сорок лет, и не интересовавший уже никого. Статейка без подписи, опубликованная в одной скандальной газетке, была скопирована в бюро прессы специально для генерала Думитрашку, так как касалась министерства и, в частности, его сотрудника. За эту промашку (прединфаркт!) генерал Думитрашку был быстренько отправлен в отставку по состоянию здоровья.

Перелистывая статьи, генерал снова оказался поглощён приступом сна. Склонив голову, остался в таком положении несколько мгновений, уперевшись руками. Подумал: *«Только бы не сорвалась комбинация!...»* Затем заснул. На этот раз ему даже что-то снилось. Будто бы видит он вновь айвовые деревья из детства, где-то на Проспекте Победы, совсем рядом с Министерством. Плоды были большие, жёлтые, пахучие, знак того, что созрели только что...

Через несколько мгновений секретарша его побеспокоила:

— Товарищ генерал... товарищ генерал... Вернулся господин министр и ждёт вас прямо сейчас.

Он проснулся с совершенно ясной головой, без какой-либо тени головокружения, с отпечатавшейся на щеке полосой рукава генеральского кителя. Спросил:

— Ты отпечатала рапорт?

Да, рапорт был готов. Поднявшись на ноги, прошёл в прихожую, затем вышел

в длинный холл, обрамлённый дверями, обитыми кожей настолько, что кажется, будто слова здесь остаются в плену у стен, среди которых были произнесены. Спустившись в главный холл на первом этаже Министерства, оглядел позолоченные колонны, карикатурно имитировавшие дорический стиль, затем большие картины, каждая размером в стену, изображающие различные виды вьюг, отвратительность которых казалась всем проходящим в холле настоящим искусством. Отсюда генерал, без стука, вошёл в приёмную министра. Человек в кабинете даже не поднялся на ноги. Это был очень молодой и очень смелый лейтенант, который обращался на «ты» к генералам. Их это возмущало, но они не могли перечить. Кроме того, он был в курсе всех слухов по поводу внезапных отправок в отставку и неожиданных продвижений по службе, и вёл себя соответствующе, как тот, кто может предвидеть реальность. При виде генерала никогда не вскакивал на ноги. *Этого нужно помнить. Этого и ту, с телефона* — думал генерал. В то время, пока готовился войти, не глядя на человека в кабинете, тот прошипел сквозь зубы:

— Учтите, что министр очень устал.

Так и было. Генерал вошёл в кабинет и оглядел длинный персидский ковёр, пропитанный пылью, длинный стол для заседаний, с двенадцатью стульями, кресла с кружевным бархатом, библиотеку с сочинениями Ребряну и Славича, так и стоящими на полках со времён Постелнику, тома, которые никто никогда не открывал; и, в конце концов, заметил в конце полутёмного помещения лохматую голову и толстые губы министра, с закрытыми под наморщенным лбом глазами.

— Здравия желаю, господин министр.

Никакого движения. Через некоторое время министр сделал ему знак приблизиться, куда-то к креслам из бархата. Генерал так и не понял, нужно ли садиться, и предпочёл остаться на ногах.

— Господин министр, я выполнил проверку, которую вы мне приказали совершить в Архиве. Разрешите доложить, что всё в порядке. Я составил и подписал рапорт.

Подойдя ближе, генерал почувствовал, что от министра страшно пахло конья-

ком. Он был на тридцать лет младше генерала и попал в Министерство внутренних дел в результате событий, заставивших сгореть несколько учреждений Бухареста. Была необходимость в каком-нибудь молодом проходимце в Министерстве, бескомпромиссном, с тонким опытом, с юридическим образованием, и в то же время, чтобы был понимающим человеком, так как времена были беспокойные. Так он стал министром. Единственным его недостатком была слабость к напиткам, из-за чего полицейские, люди опытные в этом деле и готовые всегда истолковать любой недостаток, всегда оказывались захваченными врасплох. Каждый вечер у него были всевозможные дегустации, и, через несколько недель после прибытия в Министерство ему ничего не оставалось делать, как принимать или отклонять предложения, поступающие к концу каждого дня. Однажды даже перенесли важное заседание командного совета Министерства, потому что министр настолько «устал», что больше не мог держаться на стуле.

В этот день, в среду, министр вернулся из Пояны Брашов, где один начальник полиции из Ардяля приготовил ящик французского коньяка и пригласил его на министерскую виллу. Теперь министр был после напряжённой ночи, закончившейся заседанием правительства во Дворце Виктория, о котором он не знал заранее, и где нужно было молчать, чтобы никто не заметил. Раздавленный от недосыпания, министр ощущал тяжесть в голове и желал отправить все проблемы как можно скорее.

— Вот рапорт, — сказал генерал, протягивая лист бумаги. — А по поводу выставки в Центральном Доме Армии я уже объявил в прессе, как вы постановили вчера.

Министр смущённо посмотрел на генерала, пробуя вспомнить, когда и что он постановил. Ему показалось, что генерал посмотрел на него, как на труп. Это был серый взгляд, который его пугал. Для того чтобы подтвердить свою власть, министр проговорил:

— Я лично проверю наличие документов в наших архивах. Наверное, на выставке.

«Черта с два проверишь» — подумал генерал. «Увидишь, и знать не будешь, что ты видишь, обведут тебя вокруг пальца». Министр продолжал:

— Подготовь лично дело комиссии по культуре, докладывать будешь на этой неделе, утром в субботу. А завтра хочу видеть дело тех, из Бакэу, то, что я перенёс с понедельника.

Помолчав мгновение, исчерпав свою власть, добавил, желая как бы вселить свою усталость собеседнику:

— На этой неделе я должен составить рапорт по поводу ухода в отставку по возрасту... Я его ещё не составил... Потому что ещё не решил... У тебя есть ещё доклады?

* * *

Секретарша его ожидала с ежедневным списком телефонов, которые его иска-ли, большинство важных, но были и такие, о которых он и знать не хотел.

— Позже, — сказал он секретарше. — Пусть сейчас меня никто не беспокоит. У него болели плечи и слегка кружилась голова. Растянулся на диване, тут же, в кабинете, и подумал, что в это самое время в комнатке за министерским кабинетом и сам министр делает то же самое: укладывается на спину и пробует заснуть. Генерал проговорил мысленно: *Это самый низкопробный шантаж. Начиная со следующей недели я записан в число ответственных за выборы. Он не хочет отправить меня в отставку, даже не может этого сделать, хочет лишь оказать давление. Что-то от меня ему нужно!*

Генерал заснул, потому что не хотел больше думать об этом. Заснул, потому что угроза ухода на пенсию, на этот раз во второй раз и навсегда, ему казалась страшнее, чем смерть.

Все знали, насколько он был уязвим в этом вопросе. Не исключая и министра. Поэтому он себя и вёл так. Поэтому и пробовал его использовать. Какой простака! Как его за эти годы вывели на передний план политической жизни! Молдчик, не имевший раньше никакой перспективы, могущий остаться на долгие

годы юрист-консультантом на каком-нибудь консервном заводе или быть секретарём партии неизвестно где. И это в лучшем для него случае.

Генералу ничего не снилось.

Прошло больше получаса, может быть час, когда кто-то взял его за плечо и покачал слегка. Генерал пробормотал:

— Я же приказал не беспокоить меня.

— Да это я, что не узнаёшь?

Открыв глаза лишь сейчас, несколько секунд ничего не видел. Затем в помещении начало проясняться, стали различимыми отделка, политическая карта мира размером во всю стену, а затем и защитная униформа прямо перед ним. Это был генерал Петру Михалаке, служивший и сейчас в военном ведомстве, старый приятель, ещё со времён учёбы в Москве. Он о чём-то спрашивал.

— А, ты меня не беспокоишь никогда, — ответил ему генерал, так и не поняв вопроса. — Только вот, я устал чуть-чуть...

— Раз работаешь и ты слишком много...

— Да не повезло мне, как тебе, остаться в Армии.

Все военные, предоставленные в распоряжение полиции, или же моряки, выросшие до адмиралов, или артиллеристы, получившие генеральские звёзды в Министерстве внутренних дел, сожалели о своих должностях, которые имели когда-то в Армии, и мечтали руководить ею.

— Не-ет, — протянул Михалаке, — тебе не на что жаловаться. Я слышал, тебе везёт.

— Который час? — спросил генерал, всё ещё лёжа на диване.

— Да почти обед.

— Хорошо бы кофе...

Позвав секретаршу, поручил ей заказать в буфете два кофе и отправить всех звонящих по телефону на более позднее время. Пусть сейчас никто не беспокоит. После того, как кофе был готов, и его принесли из буфета на первом этаже Министерства, в котором могли делать заказы только чиновники в должности выше

директора, оба генерала начали разговор.

— Я слышал о тебе две вещи, — сказал генерал Петру Михалаке. — Слухи очень противоречивы.

Петру Михалаке был старше и признавал, шутя, что его нервы давно уже сдали. Он был почти дряхлым. По чистой случайности он не был отправлен в отставку руководством Армии, может быть потому, что выглядел смирившимся, и казалось, что он не хотел бы получать ни должностей, ни дополнительных звёзд на погоны. Но это лишь казалось. Выглядел он вечно рассеянным. Постоянно был одет по-военному. На голове волосы росли лишь в области висков, где были всегда растрёпаны и совершенно белыми. Оба генерала были вместе отправлены на пенсию в тысяча девятьсот восьмидесятом году, и после этого на протяжении нескольких лет встречались для игры в шахматы, летом — в парке Чишмиджиу, зимой — у кого-нибудь из них дома. В те времена Михалаке ходил постоянно с шахматной доской в руке, в красно-чёрную клетку, с фигурами, выточенными из кости и из тяжёлого дерева, это был подарок на одном из официальных визитов в Гане. Он не привык играть в шахматы с гражданскими. Ему нравилось много разговаривать во время партии, и всё на свои, армейские, темы. Все партии он начинал впечатляющим гамбитом, с двумя интересными жертвами, этой комбинации он научился у одного грузина в то время, когда учился в академии в городе Фрунзе.

— Какие слухи?

— Первый из них, и, я бы сказал, именно он тебя заинтересует больше, что после выборов ты представлен на должность министра обороны. Я слышал о том, что в планах у тебя есть некоторые комбинации, благоприятные для всех партий. А вот второй слух — наоборот, о том, что существует, якобы, указ, по которому вскоре тебя отправят в отставку.

Генерал никак не отреагировал. Михалаке разочарованно смотрел на него. Его даже не интересует? Поэтому решил спросить:

— Что, не так? Тогда что? Советник президента? Или, может быть, в руководство Гвардии?

Но тот ему не ответил, а улыбнулся:

— Давай лучше сыграем в шахматы.

Генерал Михалаке, которого раньше лишь шахматы и интересовали, только пренебрежительно отмахнулся:

— Прекращай! Сейчас идёт избирательная кампания! Жребий, как ты знаешь, готовится намного раньше.

Он знал, что собеседник был всегда впереди его, и в шахматах, и в закулисных играх.

— Выкладывай, что готовишь. И, особенно, не забывай и обо мне... Знаешь, что я ничего не хочу. Сделаться бы генерал-полковником и сразу выйти на пенсию. Сам прошу. Что касается тебя, уверен, что дела пойдут. Уверен! Мы знаем друг друга столько лет, со времён школы... Знаю, что если сможешь, то и обо мне не забудешь. Этих молодчиков, что сейчас у власти, даже не знаю хорошенько. Я уже был генералом, когда они ещё не были солдатами.

Генерал ему ответил:

— Сегодня я запустил одну совершенную схемку. Не имеет никаких проколов. У меня есть гарантии. Вечером — встреча. Думаю, что сегодня — самый важный день в моей жизни.

Поднялся и открыл окно. Было душно, ему нечем было дышать. Вдохнув глубоко в грудь шумный и пыльный воздух, принесённый ветром с Липсканьской улицы, продолжил:

— Министр постоянно делает мне пакости. Ещё не знаю, что он от меня хочет, но это определённый знак. С ним я разберусь.

Петру Михалаке тут же, слушая его, почувствовал себя не таким одиноким в этом мире молодчиков.

— Ты всегда благополучно выпутывался.

— Но сейчас шаг гораздо более важный и тяжёлый. Мы принадлежим к поколению, которое не гоняется ни за деньгами, ни за приключениями. И не было ли бы нам проще довольствоваться тем, что есть?

Тот улыбнулся.

— Так нас научила жизнь.

— Да, — подтвердил генерал, — так она нас научила, и поэтому часто себя спрашиваю: что мы ещё здесь делаем?

Оба искренне засмеялись. Они имели схожие мнения, и понимали друг друга с полуслова. И с полвзгляда. Генерал был благодарен за понимание и ожидал грядущих событий. Другой генерал, хотя и привык заходить надолго (потому что ему нечем было заняться), поднялся на ноги. Сообщив, что уходит, добавил:

— Нужно ещё зайти кое-куда...

Поцеловавшись на прощание в обе щеки, обменялись рукопожатиями. После этого отсалютовали друг другу по-военному, в шутку.

Генерал, оставшись один, подошёл к окну и выглянул. Глубоко вдохнув воздух, приготовил трубку. В горле чувствовалась сухость и горечь. Нестерпимая горечь. Подумал: *«Любопытно! Я хотел с ним сыграть в шахматы. Мне нравилось его побеждать, видеть, как он страдает, и я его побеждал»*. Подошёл к столу и уселся в кресло. *«Лишь одно кресло начальника комиссии»* — подумал он снова. Затем осмотрел стол из лакированного дерева, стол, какие есть во всех полицейских участках страны, на котором стоят две кофейные чашки, пустые, а на дне виден осадок. Сон развеялся, генерал хорошо отдохнул. Вспомнил о влиятельном брате майора Кривляну и о его удачных связях, от которых почти всё зависело. Глянул на рабочие папки, документы в которых нужно было просмотреть и подписать. Привкус во рту стал невыносимым, тяжёлым, противным. Почувствовал колющую боль в груди, невыносимую чесотку, которая прихватывает, когда не ждёшь. Хотел позвать секретаршу, но смог издать лишь невыразительный хрип. Хотел подняться и выйти в приёмную, в кабинете было слишком мало воздуха, и поэтому он задыхался. Но сполз на ковёр. Попытался подняться. Увидел ножки стула, корзину для бумаг, трубку, укатившуюся к порогу двери, нижнюю часть деревянной крышки стола, диван, на котором полчаса назад спал. На крючке — генеральскую фуражку. В открытое окно дул ветер. *«И ведь какая удачная ком-*

бинация была!» — вертелось в голове. Когда, через некоторое время, секретарша вошла за подписанными бумагами, наткнулась на трубку, громко щёлкнувшую и треснувшую под ногой. Увидела серый взгляд, ставший теперь бледно-голубым, но сохранивший следы той угрожающей холодности. Испугавшись, выбежала в холл с фальшивыми дорическими колоннами, с бесконечными рядами обитых кожей дверей, которые теперь никуда не вели, не зная, кому сказать, у кого попросить и о чём...

1992 г.

Богдан Сучавэ

р. 27 сентября 1969 года (Куртя де Арджеш, Румыния); член Союза Писателей Румынии с 2002 года

образование: факультет математики Бухарестского университета (1989–1994), углубленный курс геометрии при Бухарестском университете (1994–1995), математическая докторантура в Мичиганском Государственном университете, США (1996–2002)

должность: ассистент Профессора геометрии в Калифорнийском Государственном университете, США

опубликованные книги:

Боязнь сумерек (новеллы),
издательство ТОПАЗ, Бухарест 1990

Под знаком Ориона (роман),
издательство АРТПРИНТ, Бухарест 1992

Легенды и ересь (поэмы),
издательство МЭДЖИК АРТ ДИЗАЙН, Бухарест 1995 [предисловие А.

Штефэнеску]; второе издание в электронном формате: ÉQUIVALENCES¹ 2001

Империя поздних генералов [электронный формат], издательство НЕМИРА, 2000; в настоящее время работа находится на странице издательства ALL²

Химеры и портреты [электронный формат], издательство НЕМИРА 2001; второе издание на ASALT³, в 2001 году, работа была представлена на конкурсе Ассоциации Издателей Румынии в 2002 году, в разделе *Электронная публикация*

сотрудничество с литературными периодическими изданиями: *Agora-OnLine, ArtPanorama, Contemporanul, Convorbiri literare, Dilema, Driftwood Review, Interval, Luceafărul, Mozaic, Norii, Poesis, Respiro, România literară, Supliment (Ziua, Констанца), Suplimentul de Marți (Observator, Констанца, Румыния), Știri punct ro, Vermont Literary Review*; в **Интернете**⁴: редактор журнала *Respiro*: <http://www.revistarespiro.com> и редактор электронных книг; основатель и ведущий группы дискуссий *Nadir Latent*, посвящённой вопросам современной румынской литературы; в мае 2002 года группа насчитывала около трёхсот участников; учредитель страницы *Памяти Константина Нойка*⁵; тексты, опубликованные на страницах издательств ALLFA, LITERNET, FOLIUM

литературные отличия: первая премия издательства НЕМИРА в категории *Чистилище*, новеллы (1993 год); присуждена за новеллу *Империя поздних генералов*

¹<http://equivalences.tripod.com>

²<http://www.all.ro>, также на: <http://www.msu.edu/suceavad/Imperiul.htm>

³<http://www.asalt.seanet.ro>

⁴http://www.msu.edu/_suceavad

⁵<http://www.eunet.ro/graph/Noica>

Оглавление

<i>Империя поздних генералов</i>	7
<i>Богдан Сучавэ</i>	31

revista respiro

Титульная страница

Страница 34 из 34

Назад

Полностью

Закреть

Выход